

*Бахытжан**Канакьянов**поэт, секретарь Союза писателей
Казахстана*

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

(писатель-фронтовик Кемель Токаев)

Солдаты Великой Победы, которой уже семьдесят пять лет. Живые и павшие в годы Великой Отечественной войны. Именно Отечественной, а не Второй мировой, как сейчас принято говорить, словно стесняясь слова «Отечество», в которое входит наше с вами отчество, имена наших отцов, дедов и прадедов. И воевали они каждый за свою малую родину, за свой аул или деревню, за нас с вами, дорогие мои современники, родившиеся спустя пять, десять, двадцать, а то и пятьдесят лет со дня Великой Победы. Это было великое, на мой взгляд, единение людей, представителей разных наций и народностей, против мракобесия и коричневой чумы фашизма. Такого больше не было в минувшем двадцатом столетии. Может быть, полет Юрия Гагарина на миг сблизил землян в едином порыве радости и восторга. Но это было уже после Войны, после Победы.

Этот праздник «со слезами на глазах» будит в каждом из нас воспоминания, картины которых, словно кадры документального экрана, несут брезжащий свет – погибших возвращая к жизни!

Рано лишившись родителей в годы Голодомора в Казахской степи, десятилетний Кемель Токаев вместе со своим старшим братом Касымом оказался в детском доме, вначале в Мерке, а затем в Чимкенте, в интернате для детей-сирот при свинцовом заводе. Старший брат, несмотря на свой юный возраст, полностью взял на себя заботу о младшем. Будучи дисциплинированным воспитанником, он брал на себя многие общественные поручения и по достоинству снискал уважение среди учителей-воспитателей и ровесников по школе-интернату, тем самым являя пример младшему Кемелю. Несмотря на суровое-суконное детство, отсутствие родительской ласки, братьям легко давалась учеба. А незадолго до начала войны, после окончания интерната и фельдшерского училища, старший брат был направлен в Свердловск, где прошел краткосрочные курсы подготовки молодых офицеров.

В архиве Кемеля Токаева сохранились письма старшего брата, обстоятельные и пронизанные братской заботой о младшем, единственном на всем белом свете родном человеке.

Тяжким было расставание братьев перед уходом на фронт. Не было прощальных слов. Оба сидели, потупившись, на лавке во дворе интерната, глядя на потрепанные ботинки. Оба понимали, что, возможно, прощаются друг с другом навсегда. Старший брат встал и, взглянув на часы, сказал Кемелю, что пора ехать в военкомат. Перехватив прощальный взгляд Кемеля, расстегнул ремешок своих наручных часов и надел их на его руку.

– Носи на память!

– А ты как?

– У меня будут другие, командирские.

Они крепко обнялись, и Касым направился к грузовику, в котором уже сидели другие новобранцы...

Вернувшись поздно вечером в барак для детей-сирот, Кемель всю ночь проплакал, и только пульс наручных часов напоминал ему о брате, ушедшем на войну, да полная луна несла свой тревожный свет в пространстве южной ночи. На долгие годы памятью о брате стали для него эти часы – предел мечтаний одноклассников, воспитанников детского дома.

А через полтора года настала и его очередь отправиться на фронт. Кемель Токаев был направлен на краткосрочные сержантские курсы, после окончания которых стал бойцом Советской Армии.

Старший брат Касым погиб в бою под Ржевом, 22 февраля 1942 года.

В «похоронке» не было указано конкретное место гибели. Только сообщалось, что пал смертью храбрых при защите социалистической Родины – СССР.

Спустя годы и десятилетия, благодаря сотрудникам Посольства Казахстана в России, архиву общества «Мемориал» было найдено точное место захоронения Касыма Токаева – деревня Трубино Ржевского района Тверской области. Воистину – «Ничто не забыто – никто не забыт!»

«Уже будучи студентом, я спросил отца о самом трудном периоде его жизни, – пишет в своей книге «Слово об отце» Касым-Жомарт Токаев, нынешний Президент Республики Казахстан. – Самыми трудными для меня, сказал он, были минуты, когда я получил «каракагаз» – известие о смерти брата.

Отец бережно хранил его письма и фотографию, на которой дядя Касым изображен в форме лейтенанта Советской Армии. На обратной стороне снимка его рукой было написано карандашом: «Брату Кемелю на память». Отец много раз рассказывал о том, как Касым приходит к нему во сне, о чем-то говорит, что-то советует, будто пытаясь уберечь его от жизненных напастей. Иногда мне казалось, что отец надеется на чудесное воскрешение старшего брата. В такие минуты он говорил: «Может быть, он потерялся в госпиталях после тяжелого ранения или контузии, ведь на войне всякое бывало. Я сам лежал с тяжелыми ранениями в госпиталях Гомеля, Омска, Алма-Аты и видел, как многие молодые солдаты без рук и ног отказывались возвращаться домой и бесследно пропадали на полустанках и вокзалах». И только после официального уведомления о его гибели на фронте отец смирился с тем, что на всем белом свете он остался один из всего рода Токаевых».

Эшелон с новобранцами, среди которых был и сержант Кемель Токаев, был обстрелян вражескими бомбардировщиками еще на подступах к фронту. Многих молодых солдат, которым не было и двадцати лет, сковал ужас и страх, летящие снаряды издавали жуткий вой и свист, раненые новобранцы кричали и плакали навзрыд. Кемель Токаев, собрав волю в кулак, покинул вагон и вместе с другими однополчанами залег в открытой степи за бугром. Один из вражеских самолетов пролетел очень низко над прижавшимся к земле Кемелем и выпустил длинную пулеметную очередь. Она прошла буквально в нескольких сантиметрах от молодого сержанта. Это и было боевым крещением на войне. Выжившие в огненной «мясорубке» командиры связались со штабом полка и получили приказ сгруппироваться, чтобы направиться к месту дислокации воинской части.

Кемель Токаев в своей книге «Солдат ушел на войну» писал, что полк, в котором ему пришлось воевать, был многонациональным. В основном состоял из

русских, но были в нем и украинцы, белорусы, узбеки, казахи, татары и представители других народов. Всех однополчан объединяла общая цель – защитить Отечество, прогнать фашистов.

Сержант Кемель Токаев в составе своего подразделения входил в группу танкового десанта, когда надо было спрыгивать на ходу и идти в атаку, обстреливая автоматными очередями противника, который после танкового прохода оставался на поле битвы. И если танкисты были под броней, то десантники, дожидаясь наступления пехоты, оказывались беззащитными во время массированного ответного удара. И надо быть начеку, чтобы не напороться на встречный огонь.

Кемель Токаев однажды рассказал, что после трехдневных боев его рота оказалась без съестного. С полевой кухней что-то произошло, она застряла на далеких подступах к передовой. Это было обычное дело, подобные сбои нередко случались в дни войны, а потом все налаживалось. Но в данном случае задержка затянулась на целых три боевых дня. Трудно было надеяться на укрепление боевого духа без традиционной каши и тушенки. Кемель тоже обессилел после долгого похода по позициям противника, нужно было что-то делать, чтобы накормить сослуживцев в часы вынужденного привала и передышки перед новым наступлением. Под утро он вместе с двумя однополчанами пошел в сторону хутора. В поле они наткну-

лись на умирающую лошадь, попавшую под шальной снаряд ночного боя. Решение было принято мгновенно. Кемель стал быстро разделять тушу лошади, вспоминая навыки из недавней жизни в интернате, когда он, в часы дежурства, помогал поварам на кухне заготавливать мясо на суровую зиму. Пере-

тащив свежее мясо на позиции своей роты, он сказал сослуживцам, что нужно добыть несколько ведер и сварить в них конину. Далеко не всем понравилось это предложение, но голод сделал свое дело. Через два-три часа мясо было сварено и солдаты с аппетитом приступили к трапезе. Бойцы долго благодарили своего однополчанина-казаха за проявленную смекалку. А в ответ он отшучивался, что накормил их национальным блюдом. А когда наконец прибыла полевая кухня, он попросил соли, чтобы приготовить казахский деликатес – конскую колбасу (казы). И для дальнейшего копчения расположил ее на поверхность танкового двигателя, чтобы экипаж его танка мог утолять голод в короткие часы привала.

Кемель Токаев в составе танкового полка прошел по боевым полям Белоруссии, Украины и Польши, а до этого участвовал в обороне Сталинграда. К концу 1944 года был награжден двумя орденами Отечественной войны и многими медалями за мужество и отвагу. Вот так в свои 20 лет гвардии сержант Кемель Токаев воевал на территориях четырех стран в современном измерении.

До Берлина он не дошел, потому что был тяжело ранен в одном из боев на польской земле. По его воспоминаниям, он стал живой мишенью для немецкого

снайпера, который, по всей видимости, высмотрел в оптический прицел сидящего на танке солдата-азиата. Его коварный выстрел разрывной пулей попал в правую ногу сержанта Кемеля Токаева. Он навзничь упал с танка и остался лежать на земле без сознания. Очнулся он от едва слышного тиканья часов его старшего брата. Секундная стрелка не просто вела свой бег времени, она по воле шестеренок, пружиннок, рубиновых камней будила в очнувшемся разуме молодого солдата бессмертную память о погибшем Касыме, словно повелевая ему, Кемелю: ты должен жить вопреки ранению, ты обязан жить, назло всем смертям.

И какие-то звездные звуки поплыли в ночном небе, отгоняя облака и полную луну за ними, куда-то туда, за близлежащий темный лес, который при свете лунного сияния отражался своими кронами в безымянной речке. Звуки своей мощью напоминали голос кобыза из родного аула Кальпе, откуда в голодные годы он ушел вместе с братом в люди, странствуя по Южному Казахстану. Все родные погибли в те страшные годы, а звуки эти остались в бессмертной памяти. И на эти звезды, на эту луну, на облака и всё пространство бездонного неба наплывали аккорды токкаты – вещи и облагораживающие. Это в польском костёле, который стал на время пунктом приема раненых, играл на органе ксендз. Туда после десяти часов забытья Кемеля отнесли на носилках военные санитарки.

А гвардии сержант Кемель Токаев был благодарен Всевышнему и радовался, как мальчишка, что получил ранение не на вражеской территории и тем самым избежал позорного пленения. Он и был по возрасту мальчишкой, каких-то двадцати лет от роду, но рано познавшим все тяготы и страдания мирной и военной жизни и судьбы.

Рана оказалась тяжелой, весь сапог изнутри наполнился кровью. Была перебита кость, что практически не оставляло надежд на сохранение ноги. Врачи склонялись к ампутации, но молодой сержант стал умолять их не делать этого. Его настойчивые просьбы убедили военных врачей в том, что лишив молодого бойца ноги, они тем самым лишат его будущего. Так он оказался в военном госпитале Гомеля, где мог прийти в себя после большой потери крови. Военно-медицинская комиссия приняла окончательное решение комиссовать боевого сержанта. А затем были долгие месяцы лечения в военном госпитале Омска. Врачи и здесь постоянно напоминали ему о необходимости ампутации, но он всячески противился этому, настаивал на продолжении лечения, и его упорство обернулось удачей. Он попал в поле зрения молодого хирурга, который уже в те годы проводил эксперименты по вытягиванию костей. Спустя тридцать лет этот метод был признан в мировой медицине как метод Илизарова. Автор этого аппарата, хирург из Кургана Гавриил Илизаров, был удостоен за свое изобретение Ленинской премии. А тогда, в конце войны, молодой хирург работал на свой страх и риск, по сути дела, он прово-

дил клинические испытания. Он сказал раненому Кемелю Токаеву, что попробует сохранить ногу, наложив специальный аппарат – шину со спицами. Расчет строился на том, что молодой организм справится с экстремальной ситуацией и кость начнет срастаться.

Более трех месяцев Кемель Токаев провел в Омском госпитале, на больничной койке, разрабатывая раненую ногу. И его надежды оправдались – после долгого лечения он смог встать на костыли. Нога была спасена!

После Омска он был направлен в военный госпиталь Алма-Аты, где под руководством крупнейшего ученого-медика, академика Александра Николаевича Сызганова продолжил курс лечения по искусственному наращиванию кости. И через полгода уже мог сносно передвигаться на костылях.

В тот же год он добился того, о чем мечтал его погибший брат Касым – поступил на первый курс филологического факультета Казахского государственного университета. Поступал туда в военной форме, на костылях.

Среди экзаменаторов запомнилось ему смуглое лицо, слегка напоминавшее облик Будды. Это был сам Мухтар Омарханович Ауэзов, который с обнадеживающей улыбкой поддержал стремление молодого фронтовика стать студентом.

В одной из статей о казахском фольклоре Мухтар Ауэзов подчеркивал, что не только сказочно-фантастическое начало присутствует в казахском эпосе и преданиях. Есть и сам занимательный сюжет, интрига приключенческого жанра в вечном противостоянии добра и зла, где плетут свои козни демоны, а добродетель ангелов побеждает в этой сказочной схватке. Быть может, отчасти это и послужило тем самым творческим началом для молодого тогда студента Кемеля Токаева после уроков и лекций великого мастера художественного слова – найти свою и только свою тему для будущих книг в жанре приключений и детектива. И книги, не раз выходявшие в последующие годы многотысячными тиражами, подтверждали правильность данного выбора, ибо эти книги любили и ценили читатели Казахстана и других стран. А это для писателя главное – найти своего читателя!

Но все это будет потом – во второй половине двадцатого столетия. Будет радость писательского озарения по ночам и повседневная работа журналиста, потом на посту редактора республиканских газет, главного редактора Ведомостей Президиума Верховного Совета Казахской ССР, а затем куратора и литературного консультанта Совета по военно-патриотическому воспитанию при Союзе писателей Казахстана. И незабываемый запах типографской краски на страницах первой и последующих книг...

И та самая памятная южная ночь, когда над горами всплыла полная луна, которая влекла его куда-то туда, к своему свету из темной палаты алма-атинского госпиталя, где он, наконец, завершал курс лечения. Он потянулся к окну, к подоконнику, и впервые за многие годы ступил всей ступней, без помощи костылей, на дощатый пол, подсвеченный божественным светом луны. Боль, внезапная, вся в огненных углях, пронзила его сознание. В одно мгновение вспыхнули воспоминания, молнии мыслей сменяли друг друга. И трагичная смерть сестренки в огне пожара, и ласковые руки мамы, поправляющие на нем, мальчике, только что сшитую «вельветку», и обезумевшего от горя отца, умчавшегося в бездну ночи на коне, и строгие глаза брата Касыма, погибшего в ржевских болотах...

Он очнулся и, намертво вцепившись в подоконник, продолжал стоять, без костылей, в больничном халате, освещенный тем самым светом полной луны, которая с самого детства вела его и увлекала, исчезала и вновь возвращалась

молодым месяцем. Это было победой, преодолением тяжелого прошлого, во имя самой жизни.

Он вспомнил, как в далеком детстве старики в ауле говорили, что ночное светило притягивает к себе светлые и темные силы души человеческой. После ухода из земной жизни душа еще парит над всем сущим сорок дней и сорок ночей. И первая небесная стоянка, привал безутешной души человеческой – это ночное светило, Луна. К ней можно перебраться на крыльях былой мечты, а можно невидимым старцем – мудрецом по лунной дорожке-тропе, вдоль горной речки вверх, туда, где дышит ущелье, где сияют ледники, и успеть душой зацепиться за край месяца, когда он выплывает из пика вершины. А там сам небесный смотритель вершит, в какую стадию, темную или светлую, поселить душу человеческую. И вся прожитая жизнь, со всеми грехами и светлыми чувствами, предстаёт перед тем, как переселиться навеки на обратную сторону ночного светила. В мире в целом и в каждом человеке. И мы с детства, с юности поверяем месяцу и луне свои мечты и желания, всю жизнь преклоняемся перед этим, глядя в свои раскрытые ладони, а когда покидаем земную жизнь, месяц над нашим прахом, над нашими могилами несет в себе несбывшиеся наши желания.

А хронометр старшего брата, не раз меняя ремешки и браслеты в послевоенные годы, годами и десятилетиями переходя из конкретного времени в декретное, из летнего состояния в зимнее, в силу самого времени рассыпался на механические шестеренки бытия, превращаясь в часы электронные, но даже и в этом случае нес бессмертный отсчет, ибо старший брат подарил ему свое время, так и не прожитое им сполна на этой прекрасной и яростной земле

Самым светлым праздником на всю оставшуюся жизнь для писателя-фронтовика Кемеля Токаева остался День Победы! В издательстве «Жибек Жолы» вышло несколько книг, подготовленных Благотворительным фондом имени Кемеля Токаева – «Сила духа и творческий талант», «Верное служение народу», «Письма Победы». В силу своей издательской деятельности я был знаком с этими изданиями на стадии рукописей. Невозможно без волнения читать страницы этих книг. И есть великое слово – преемственность, когда подрастающее поколение, школьники от самых младших классов посвящают свои стихи и прозаические зарисовки великому подвигу ветеранов, которых с каждым годом все меньше и меньше остается на нашей земле.

Ученики уштобинской средней школы имени Кемеля Токаева собрали письма фронтовиков и провели международную акцию «Письма Победы». В этих небольших письмах-треугольниках как бы происходит разговор поколений через расстояния времени. Школьники написали письма ветеранам, труженикам тыла, всем тем, кого затронула война. В каждом письме – гордость за своих прадедушек и прабабушек, которые ценой собственной жизни подарили нам этот прекрасный мир, подарили право на Жизнь. В этих бесценных письмах – ответы на многие вопросы о цене и ценностях Победы, к которой шли с бесстрашием и мужеством наши родные и близкие.

Память о них вечна в наших сердцах!

